

«Первый по добродетели»: истоки понятия *princeps* от Гомера до Цицерона

Введение: вопрос, требующий точности

Прежде чем двигаться вперёд, необходимо уточнить саму формулировку. Выражение «первый по добродетели» — не латинская или греческая формула, зафиксированная в источниках как точная дефиниция *princeps*. Это современный конденсат, суммирующий идею, которую греки и римляне разрабатывали в нескольких параллельных понятийных системах на протяжении нескольких столетий. Задача этого исследования — найти ту «чистую точку», из которой эта идея выросла, и развернуть её так, как она выглядела изнутри той культуры, в тех понятиях, которыми располагали тогдашние мыслители, — не в наших сегодняшних.

Что значило «быть первым» — говорить или приказывать? Лидировать по происхождению или по личным качествам? Быть избранным или самоутвердившимся? Ответы на эти вопросы — не синонимы. Они отражают принципиально разные концепции власти, и именно в напряжении между ними живёт вся история слова *princeps*.

Часть I. Греческий фундамент: ἀρετή как основание первенства

1.1 Что такое ἀρετή и почему это не «добродетель»

Русское слово «добродетель» и тем более английское *virtue* — принципиально слабые переводы греческого ἀρετή (*aretē*). Они несут преимущественно моральные коннотации, возникшие под влиянием христианства. Греческое ἀρετή шире и точнее: это «наилучшее, на что способна данная вещь или существо в своём роде». Для меча — острота и баланс. Для коня — скорость и выносливость. Для человека — наиболее полная реализация специфически человеческих способностей. Что именно это такое — менялось на протяжении греческой истории, и это изменение принципиально важно для понимания того, как возник *princeps*.^[1]

Первоначальная, гомеровская ἀρετή — это excellence в действии, удостоверенная и засвидетельствованная другими. Ахилл обладает ἀρετή не потому, что внутренне добродетелен, а потому что дерётся лучше всех, и все это видят. Одиссей обладает иной ἀρετή — хитрость, красноречие, выносливость; его мастерство когнитивное и социальное, а не чисто физическое. Но оба существуют в системе публичного признания: excellence без свидетелей — не полноценная ἀρετή. Это важнейшее обстоятельство: первенство у греков — прежде всего перформативное. Оно реализуется в совместном пространстве — на поле боя, на агоре, в суде, на пиру.^[1]

1.2 Гомеровский *basileus*: «первый по силе» или «первый по мудрости»?

В гомеровских поэмах *βασιλεύς* (*basileus*) — «царь» — не монарх в восточном смысле. Это «первый среди» коллегии других *basileis*, владык отдельных *οἰκῶν* (домохозяйств). Финли и последующие исследователи описывают Агамемнона как *primus inter pares*: его статус выше, потому что он правит более многочисленными людьми и получил скипетр от Зевса — но это не даёт ему абсолютной власти над другими царями.^{[2][3]}

Гомер устойчиво представляет идеального *basileus* как человека, сочетающего два качества: «первый в совете и первый в бою» (*boule kai polemo*) — так Нестор описывает одновременно Ахилла и Агамемнона в девятой книге «Илиады». Первенство, таким образом, двойное: и в силе, и в мудрости. Но между ними нет иерархии — они необходимы оба. Агамемнон, обладающий силой без должной рассудительности, терпит катастрофу с Ахиллом. Нестор, наделённый мудростью, но уже не силой, функционирует как советник. Идеальный *basileus* должен соединять оба.^[^2]

Здесь же появляется ещё один ключевой элемент: *τιμή* (*timē*) — «честь», «достоинство». Это не просто престиж — это то, что отличает *basileus* от простого воина. Зевс «распределяет *τιμή*» среди царей; когда Агамемнон отнимает Брисеиду у Ахилла, он лишает его *τιμή* — и это, а не сам ущерб, становится причиной трагедии. Первый среди лидеров обладает первенством в *τιμή* — в признанном достоинстве, которое ему выражают другие.^[^3]

1.3 Трансформация *ἀρετή* у Сократа и Платона: знание как условие власти

Ключевой поворот в истории первенства по добродетели произошёл в V веке до н.э. с Сократом. Его знаменитый тезис — «добродетель есть знание» (*aretē epistēmē*) — перевернул гомеровскую концепцию. Если раньше первенство было перформативным (виден на поле боя), то теперь оно стало когнитивным: тот, кто знает, что есть благо, делает благо. Незнание — вот корень всякого «злодейства» (по Сократу, злодеи не злы, но невежественны).^{[4][1]}

Платон сделал из этого тезиса радикальные политические выводы. В «Государстве» он строит модель идеального правителя — философа-царя (*basileus philosophos*): единственный, кто имеет право управлять, — это тот, кто постиг идею Блага. Не аристократ по рождению, не победитель в состязаниях, не харизматичный оратор — а человек, доступ которого к знанию истины делает его правление необходимым.^[^4]

Это принципиально важно для нашей темы: Платон отделяет первенство от публичного признания. Философ-царь не нуждается в аплодисментах толпы — он правит, потому что знает. Более того, в «Государстве» (пятая книга) Платон рассуждает о том, что настоящие философы вынуждены спуститься в «пещеру» и взяться за управление вопреки своей воле — потому что только они могут делать это правильно. Обязанность прийти к власти вытекает из обладания добродетелью-знанием, а не из желания власти.^[^5]

Это будет иметь гигантское значение для Цицерона — к нему мы вернёмся.

1.4 Аристотель: φρόνησις как добродетель правителя

Аристотель предложил наиболее систематическую и в конечном счёте наиболее влиятельную концепцию добродетели правителя — через понятие φρόνησις (*phronēsis*), «практической мудрости».

Phronēsis в «Никомаховой этике» — это не теоретическое знание (*epistēmē*) и не техническое умение (*technē*). Это способность правильно оценивать ситуацию и действовать соответственно в конкретных обстоятельствах. Аристотель прямо указывает, что Перикл — образец человека, обладающего *phronēsis*: он умел видеть, что хорошо для человека и для государства, и умел добиваться этого. *Phronēsis* неотделима от политической мудрости (*politikē*): они «одна и та же способность состояния, но с разной сущностью».^{[6][7]}

Здесь принципиальное различие с Платоном. Аристотель не требует от правителя погружения в мир чистых идей. Он требует от него **практической сноровки** в сочетании с нравственными добродетелями. Его «спудайос» (*spoudaios*) — «достойный человек» — это не мудрец, оторванный от жизни, а человек с правильно выработанными привычками (*hexis*), умеющий находить «золотую середину» между крайностями в каждой конкретной ситуации.^[^1]

Важнейшая деталь: для Аристотеля добродетель политического лидера отличается от добродетели обычного гражданина тем, что она ориентирована на общее благо полиса (*koinon agathon*), а не только на личное совершенство. Правитель, преследующий только собственное благо, — тиран; правитель, ориентированный на общее благо, — царь или политик.^{[8][6]}

Часть II. Римская система: *auctoritas*, *dignitas*, *virtus*

2.1 Три лица власти: *potestas*, *imperium* и *auctoritas*

Когда греческие понятия начали проникать в Рим через посредство Полибия, Панетия Стоического и других, они встретились с уже развитой и специфически римской концептуальной системой. Римляне различали три типа авторитетного влияния, которые в нашем языке все смешались бы под словом «власть»:

Imperium — абсолютная командная власть, принадлежавшая магистратам с соответствующими должностями (консулы, преторы, диктатор). Это власть отдавать приказы, карать непослушных, командовать армией. Она целиком связана с должностью: когда консул слагал полномочия, *imperium* исчезал вместе с ними.^[^9]

Potestas — политическая власть принуждения, тоже привязанная к должности или роли (например, *patria potestas* отца над семьёй). Решения носителя *potestas* обязательны к исполнению, потому что так говорит закон, — а не потому, что они правильны или мудры.^[^10]

Auctoritas — нечто принципиально иное. Само слово происходит от *augeo* («умножать», «придавать рост») через *auctor* — «тот, кто создаёт, утверждает, даёт весомость». Теодор

Моммзен дал формулировку, вошедшую в классику: *auctoritas* — это «нечто большее, чем совет, и меньшее, чем приказ; советование, которое нельзя проигнорировать». Это влияние, основанное на личном авторитете, заслуженном через жизнь, действия и признание других. Ею можно обладать, не занимая никакой должности.^{[11][10]}

Разница между *potestas* и *auctoritas* — это и есть разница между «властью по закону» и «первенством по добродетели». Именно *auctoritas* является подлинным субстратом того, что называлось *princeps*.

2.2 *Dignitas*: достоинство как социальный и этический капитал

Аристотелевский *timē* нашёл в Риме прямой аналог в понятии *dignitas* — «достоинство», «значимость», «вес». Оксфордский латинский словарь определяет *dignitas* через целый спектр смыслов: «годность, пригодность, достойность, визуальная представительность, стиль, ранг, положение, уважение, честь». Но сводить её к одному из них — ошибка.^[12]

Dignitas была одновременно лична и публична. Она строилась через военную службу, исполнение должностей, покровительство клиентам, красноречие, суждения потомков о предках. Утрата *dignitas* была катастрофой, способной толкнуть человека на самоубийство (Марк Антоний) или на войну (Цезарь переступил Рубикон — по его собственным словам — именно во имя своей *dignitas*).^{[13][12]}

Принципиально важна моральная составляющая *dignitas*: это не просто социальный статус, который можно купить или унаследовать. Человек, действующий бесчестно, мог потерять *dignitas* даже при высоком офисе. Цицерон — «новый человек» (*homo novus*), первый в своей семье достигший консульства, — настаивал: истинная *dignitas* определяется не происхождением, а *virtus*. Это звучало революционно в аристократическом Риме.^{[14][13]}

2.3 *Virtus*: мужская добродетель и её содержание

Латинское *virtus* — прямой потомок греческого ἀρετή, но с важным смещением. Сама его этимология — от *vir* («мужчина») — несёт военный и гендерный оттенок: храбрость в бою как эталон. Однако Цицерон, опираясь на Платона и стоиков, существенно расширил понятие.^[1]

В «Об обязанностях» (*De Officiis*) Цицерон делит *virtus* на четыре источника, соответствующие четырём кардинальным добродетелям:^[14]

1. **Prudentia** / мудрость (*sapientia*) — способность отличать истинное от ложного, ориентироваться в сложных обстоятельствах. Это ближайший аналог платоновского φρόνησις.
2. **Iustitia** — справедливость: не причинять вреда другим, служить общему благу, хранить данные обещания. Цицерон считает это самой важной из добродетелей, потому что она ориентирована на других.^[15]
3. **Fortitudo** — духовное мужество: не только храбрость в бою, но внутренняя стойкость, способность не быть сломленным ни страхом, ни соблазном.^[14]

4. *Temperantia / Modestia* — умеренность, самообладание, соразмерность: то, что греки называли σωφροσύνη (*sōphrosynē*).

Принципиальный тезис Цицерона в книге первой «О государстве» (I.2): «Недостаточно обладать *virtus* как некоей наукой, если ты ею не пользуешься; ... а высший способ её применения — это управление государством». Это прямое воспроизведение платоновского тезиса из «Государства»: мудрец обязан управлять, потому что только он делает это правильно. Но у Цицерона акцент иной: не мистический доступ к миру Форм, а *virtus*, реализованная в активной гражданской жизни.[^16]

Часть III. Цицерон: *rector rei publicae* как синтез

3.1 «О государстве» и поиск «чистой точки»

Написанный в 54–51 гг. до н.э. в форме диалога, приуроченного к беседам Сципиона Эмилиана (185–129 до н.э.) и его кружка, трактат *De re publica* является главным источником для понимания того, каким Цицерон видел идеального *princeps civitatis*.

Следует сразу прояснить терминологию, которая в тексте подвижна. Цицерон употребляет несколько близких понятий: *rector rei publicae* («правитель/управляющий государства»), *gubernator civitatis* («кормчий государства»), *princeps civitatis* («первый гражданин»), *moderator* («регулятор»). Все они описывают одно и то же — идеального государственного человека. Различие между ними стилистическое, а не концептуальное. Ни один из этих терминов не является официальным титулом — это образы.

В книге пятой *De re publica* сохранилось одно из самых показательных мест (5.8): «Цель нашего правителя [*rector*] — счастливая жизнь граждан, укрепленная богатством, обеспеченная ресурсами, великая в своей славе и прославленная добродетелью. Я хочу, чтобы он достиг этого свершения, которое есть самое великое и лучшее из возможных для людей». Обратим внимание: цель — не собственная слава правителя, не его обогащение, не удержание власти — а счастье граждан.[^17]

3.2 *Rector* как управляющий именем: радикальная метафора

В той же пятой книге Цицерон использует смелую метафору, которую исследователи назвали «выдающимся и оригинальным вкладом в римскую политическую мысль»: он сравнивает идеального *rector'a* с вилликом (*vilicus*) — управляющим фермой — и диспенсатором (*dispensator*) — домашним экономом, то есть с рабами-управленцами.[^18][19]

Цицерон пишет (5.5): «Как виллик знает природу земли, эконом умеет читать и писать, и оба обращают своё знание к практической пользе, так и наш *rector* должен изучить право и законы ... но так, чтобы быть в состоянии, так сказать, распоряжаться государством и как-то управлять им, как виллик именем».[^17]

Смысл этой метафоры, как показало академическое исследование Классической древности (Classical Antiquity, 2014), — подчинить правителя государству, а не государство правителю. Виллик управляет именем, но имя не принадлежит ему — оно принадлежит хозяину. В переносном смысле: *rector* управляет *res publica*, но *res publica*

ему не принадлежит — она принадлежит народу. Это прямо противоположно монархической концепции, согласно которой государь — хозяин государства.[¹⁹]

Данная метафора — один из самых конкретных ответов на вопрос: «*rector* говорит первым или приказывает?». По Цицерону — он управляет в интересах хозяина, то есть граждан. Не приказывает деспотически, но и не просто первым подаёт голос. Он действует с постоянной оглядкой на то, что нужно государству как таковому, — и в этом смысле его первенство функционально, а не властно.

3.3 *Auctoritas* как инструмент *princeps*

Ключевой вопрос: если *rector* / *princeps* управляет без законодательно закреплённых сверхполномочий — как именно он это делает?

Ответ: через *auctoritas*. Цицерон в «О законах» (*De Legibus*) пишет: «Власть — в народе, авторитет — в сенате» (*cum potestas in populo auctoritas in senatu sit*). Для идеального *princeps civitatis* это означает, что его влияние — не мандат, а авторитет, основанный на репутации добродетели и заслуг.[¹¹]

Немецкий академик Клаус Бринкман в исследовании коллективного сборника «L'auctoritas à Rome» (2020) показывает: *auctoritas* в сенате была «виртуозным кругом» — чьё мнение побеждало в дебатах, тот наращивал *auctoritas*, а большая *auctoritas* делала будущие победы в дебатах более вероятными. Это система репутации, обратной связи и доверия — не правовая гарантия.[²⁰]

Для Цицерона образцом такой *auctoritas* был Публий Корнелий Сципион Африканский Старший (235–183 до н.э.) — завоеватель Карфагена, отец того Сципиона, чьими устами ведётся диалог в *De re publica*. Сципион у Цицерона — «образец подражания», воплощение «наилучших дней Республики». Три черты: военная доблесть, уважение к институтам, моральная строгость в личной жизни. Ни одна из них не давала ему формальной власти вне конкретных должностей — но его *auctoritas* была огромной.[²¹]

В книге четвёртой «Об ораторе» (*De Oratore*) Цицерон прямо указывает, что *auctoritas* Помпея основана на четырёх качествах: военном знании, *virtus*, *auctoritas* и *felicitas* (удача). Из них только *auctoritas* «не является врождённым качеством» — она строится на предыдущих достижениях и уважении, которое они порождают. Это социально созданный капитал, а не природная данность.[²²]

3.4 *Mos maiorum*: традиция как источник первенства

Нельзя понять *princeps* вне контекста *mos maiorum* — «обычай предков», неписаного кодекса римской политической культуры. *Mos maiorum* — это совокупность поведенческих моделей, социальных практик и ценностей, переданных от предков и освящённых временем. Он функционировал там, где закон молчал, как «регулирующее основание для решений».[²³][²⁴]

Princeps в республиканском Риме был не только «первым по добродетели» в смысле личных качеств, но и «первым по образцовости» — то есть наиболее полным воплощением *mos maiorum*. Он — живой *exemplum* (пример для подражания). В «Об

обязанностях» (1.121) Цицерон пишет, что «самое благородное наследство, передаваемое от отца к детям, — репутация за добродетель и достойные деяния; поругание этого должно клеймиться как грех и позор».[^25]

Концепция *exemplum* в Риме принципиально важна. Выдающийся человек был обязан быть образцом — не только достигать, но и **быть видимым** в своих достижениях. Политик публично выражал *virtus* на форуме, в суде, в сенате. Великий полководец демонстрировал её на поле боя. *Princeps* был тем, кто воплощал *mos maiorum* наиболее полно и тем самым давал образец всем остальным гражданам. Именно это превращало его моральный авторитет в политический.[^26]

Часть IV. Стоическая традиция: мудрец как единственный истинный царь

4.1 Стоический тезис о мудреце-правителе

Параллельно с платоновской и аристотелевской линиями существовала стоическая концепция, которая сыграла решающую роль в формировании цицероновского образа *princeps*. Уже Зенон в своём раннем «Государстве» (не сохранившемся) разрабатывал идею мудреца как единственного истинного правителя.[^27]

Классическая стоическая формулировка, сохранённая у Филона Александрийского, звучит радикально: «Только мудрец — царь, и только мудрец — свободен; все остальные — рабы и подданные, даже если они носят короны и командуют армиями». Эта максима переворачивает обычную логику власти. Не тот, кто фактически правит, является царём — а тот, кто обладает полнотой добродетели и разума. Земной царь лишь управляет телами; мудрец управляет *душами* — и, следовательно, в высшем смысле управляет всем. [^28]

Стоики разработали детальную концепцию того, как это работает: ἡγεμονικόν (*hēgemonikon*) — «управляющая часть» души — это и есть настоящий царь в каждом человеке. Тот, чей *hēgemonikon* подчинён разуму и добродетели, по-настоящему свободен и властен; остальные — рабы своих страстей, даже если внешне занимают трон.[^27]

4.2 Панетий Стоический и «практическая» версия стоицизма

Панетий Родосский (ок. 185–110 до н.э.) — стоик, лично общавшийся со Сципионом Эмилианом (тем самым, устами которого говорит Цицерон в *De re publica*) — смягчил абстрактный ригоризм Зенона и Хрисиппа. Он отказался от требования «идеального мудреца» как единственного критерия и разработал более практическую концепцию: обязанность (*kathēkon* — по-латыни *officium*) существует и для обычного человека, не достигшего совершенства.[^16]

Именно из Панетия Цицерон берёт структуру «Об обязанностях». Идеальный *rector* у Цицерона — не платоновский философ, умозрительно созерцающий Благо, и не абстрактный стоический мудрец, недостижимый в реальности. Это **опытный государственный муж**, сочетающий греческую философию с римской практикой,

знающий право и историю, воплощающий *mos maiorum* и обладающий *auctoritas*, зарекомендовавшим служением государству.

Часть V. Что значит «говорит первым» — *princeps* как оратор и советник

5.1 Красноречие как добродетель правителя

Один из аспектов, который современная интерпретация нередко упускает: в античном понимании *princeps* — это прежде всего тот, кто говорит. И не просто говорит первым в сенате (хотя это тоже важно), но говорит правильно, убедительно и в интересах республики.

Цицерон — сам величайший оратор Рима — считал красноречие неотъемлемой частью государственной *virtus*. В трактате «Об ораторе» (*De Oratore*) он развивает тезис: идеальный оратор должен быть образованным в философии и праве, обладать красноречием и нравственными качествами — только тогда его слово будет иметь *auctoritas*. Плохой человек не может быть хорошим оратором в полном смысле: его речи лишены нравственного основания.[^25]

В пятой книге *De re publica* Цицерон замечает, что *rector* должен культивировать краткость в речи, упоминая Менелая Спартанского как образец «приятного и изящного красноречия». Идея такова: настоящий *princeps* не должен использовать красноречие для манипуляции — это хуже, чем подкуп, потому что подкуп покупает только одного, а красноречие может «подкупить» и добродетельного человека.[^17]

5.2 Перикл у Фукидида: греческий образец первенства через слово

Самый известный в Античности пример «первого по добродетели» — Перикл, как он представлен в «Надгробной речи» у Фукидида (431 до н.э.). Фукидид описывает афинского лидера как человека, чье первенство основывается не на официальной должности (стратег избирался ежегодно и мог быть не избран), а на репутации, суждении и способности убеждать.[^29]

В самой «Надгробной речи» Перикл формулирует афинский идеал: «мы не воздаём почести человеку за его происхождение, но принимаем его на государственную службу согласно его репутации за *aretē*». Это — демократический принцип первенства по добродетели, а не по рождению. Фукидид добавляет (II.65): сам Перикл «держал народ вольным и в то же время управлял им» — то есть сочетал *potestas* демократической легитимности с *auctoritas* личного превосходства. Пока он жил, Афины были «по имени демократией, по делу — властью первого гражданина».[^30]

Именно этот образец — греческий прообраз *princeps civitatis* — Цицерон имел перед глазами.

Часть VI. Говорит или приказывает? — Решение вопроса в понятиях эпохи

6.1 Трёхчастная структура: *ratio, lex, mores*

В политической системе Республики, как её описывает Цицерон, были три источника регуляции общества: *ratio* (разум, воплощённый в *auctoritas* мудрых людей), *lex* (закон, воплощённый в *potestas* магистратов) и *mores* (обычай предков, воплощённый в *mos maiorum*). *Princeps* функционировал прежде всего в первом и третьем измерении.

Это означает: «приказывать» — не его функция. Приказывать — прерогатива консула, претора, диктатора, то есть обладателя *potestas* или *imperium*. *Princeps* убеждает, советует, направляет — через слово, через пример, через *auctoritas*. Именно поэтому Моммзен так точно охарактеризовал *auctoritas*: «нечто большее, чем совет, и меньшее, чем приказ».

[¹¹]

Но это не значит, что *princeps* бессилён. Цицерон ясно пишет: государство стоит на мужах и обычаях (*moribus antiquis res stat Romana virisque* — цитата из Энния в начале книги пятой). Когда мужи с *virtus* перестают существовать, исчезают и обычаи. *Princeps* — это тот, кто воплощением своей личности держит государство от распада.[¹⁷]

6.2 Пределы «первенства по добродетели»: роль публичного признания

Здесь необходима честность: первенство по добродетели в античном понимании никогда не было полностью независимым от публичного признания. Это не современная либеральная идея «достоинства, независимого от чужого мнения». Греческая ἀρετή требовала свидетелей. Римская *auctoritas* была социальным приписыванием — другие должны были признать, что твои советы стоят того, чтобы их слушать.[³¹]

Это создавало специфическое напряжение: *princeps* достигал первенства через достоинство и добродетель — но само это достоинство существовало лишь в той мере, в какой его признавало сообщество. Аристотель мог бы сказать: полис и гражданин конституируют друг друга. Цицерон знал это по собственному опыту: когда в 58 г. до н.э. Клодий вынудил его отправиться в изгнание, его *dignitas* была уничтожена именно через публичное признание её отсутствия — и вернулась только с физическим возвращением в Рим.

6.3 Лёгкость говорить первым — и бремя добродетели

Princeps senatus в Республике говорил первым — и это была привилегия. Но что именно он говорил? Цицерон в «Об обязанностях» (I.124) пишет о долге магистрата: «помнить, что он представляет государство, что его долг — поддерживать его честь и достоинство, блюсти закон, раздавать всем то, что им положено по конституции, и помнить, что всё это вверено ему как священное доверие».[³²][25]

Право говорить первым — это не только привилегия, это ответственность. *Princeps* берёт слово первым, потому что его опыт и добродетель лучше всех позволяют ему сформулировать то, что нужно государству. Если он использует это право для личного

обогащения или укрепления собственного положения — это злоупотребление, подрывающее саму основу его первенства.

Часть VII. Позиция между Платоном и аристократией: оригинальность Цицерона

7.1 Не монарх, но не просто сенатор

Цицероновский *rector rei publicae* — фигура, концептуально расположенная между двумя крайностями, которые мыслитель намеренно отвергает. С одной стороны — платоновский философ-царь, единоличный мудрец, управляющий идеальным государством. С другой — аристократический Рим, где *dignitas* определяется происхождением и накопленными родовыми заслугами.

Цицерон отвергает обе крайности. Против Платона он возражает: философ-одиночка, управляющий по чистым принципам без практического опыта, — это утопия. Реальное государство создавалось «не одним гением, а многими; не за одну жизнь, а за столетия и поколения». Против аристократического принципа — *virtus* не наследуется: «мы все следуем Катону как образцу в усердии и добродетели», пишет Цицерон о *homo novus*, первом в своей семье достигшем консульства. Достоинство зарабатывается, а не наследуется.^{[33][34]}

7.2 Служение как обязанность, а не подвиг

Ещё один принципиальный момент, который часто упускается. Цицерон в первой книге *De re publica* (I.2) пишет: «Природа вложила в человеческий род столь великую потребность в добродетели и столь великую любовь к защите общего блага, что эта сила победила все соблазны удовольствия и покоя». Это означает: публичное служение для идеального *princeps* — не выбор между хорошим и лучшим. Это **imperative природы**. Спрятаться в «философском углу» — значит предать дарованные способности.^[^33]

«Ибо наша родина дала нам рождение и воспитание не без ожидания получить от нас некое питание в ответ ... она предоставила нам блага досуга и покоя именно для того, чтобы большую и важнейшую часть нашего мужества, талантов и мудрости сделать своей», — пишет Цицерон (I.8). Это прямой аргумент против эпикурейского отстранения: *princeps* не выбирает частную жизнь, потому что у него есть дар *virtus*, требующий публичного приложения.^[^16]

Заключение: «чистая точка» и её содержание

Исходная «чистая точка», из которой развилось понятие *princeps* в значении «первый по добродетели», — это не один-единственный текст и не один исторический момент. Это конфигурация нескольких связанных идей, сложившихся в Греции V–IV веков и переработанных в Риме I века до н.э.

Её элементы, в их изначальных терминах:

1. ἀρετή / *virtus* — «наилучшее, на что способен человек своего рода»: у правителя это не просто личная мораль, но умение действовать правильно в делах государства — соединение φρόνησις (практической мудрости), *iustitia* (справедливости) и *fortitudo* (духовного мужества).

2. *auctoritas* — влияние, основанное на репутации добродетели и заслуг, признанной другими. Это не власть в правовом смысле, но «более чем совет и менее чем приказ» — то, чему следуют добровольно, потому что это мудро.

3. *dignitas* — достоинство как социальный капитал, заработанный служением и образцовым поведением. Оно делает первенство видимым и признанным.

4. *mos maiorum* — включённость в традицию предков: *princeps* не создаёт норму из ничего, но воплощает накопленную мудрость предшествующих поколений. Он — живой *exemplum*.

5. Служение как *officium*: *princeps* — не господин государства, но его управляющий. Метафора *vilicus* у Цицерона прямо указывает: его первенство — функциональное, а не властное. Он первый, потому что лучше всего служит.

Ответ на вопрос «говорит или приказывает?» в тех понятиях, которые были тогда, звучит так: ни то, ни другое в отдельности. *Princeps* убеждает через авторитет — и это третья категория, которую мы в современном языке плохо схватываем. Его слово весомо, потому что за ним стоит *virtus* и *dignitas*, признанные другими. Его слово направляет — но не принуждает. Когда он переступает эту границу и начинает приказывать силой, он перестаёт быть *princeps* и становится тираном. Именно это и произошло в конце Республики, когда Цезарь, Помпей и Октавиан превратили *auctoritas* в инструмент реального единовластия. И именно поэтому Цицерон, «первый сенатор» 43 года до н.э., в конечном счёте заплатил за свою верность идеалу *princeps* — не приказывавшего, но убеждавшего — жизнью.

References

1. [Arete. Excellence and Virtue in Ancient Greece | Old Greek Gods](#) - Explore arete, the Greek concept of excellence and virtue. Learn its definition, how it shaped Greek...
2. [WHY CAN'T TELEMACHUS BE KING? THE GROWTH OF A YOUNG ...](#)
3. [4. The King of Sacrifice - The Center for Hellenic Studies](#)chs.harvard.edu › chapter › 4-the-king-of-sacrifice - 4. The King of Sacrifice From its outset, the Iliad connects Agamemnon's power to sacrifice. Sacrifi...
4. [Exploring the Concept of Arete in Classical Philosophy](#) - Explore the concept of Arete in ancient Greece, its philosophical roots, cultural significance, and ...
5. [The Republic Book 5: Parts 1 & 2 Summary & Analysis | SparkNotes](#) - A summary of Book 5: Parts 1 & 2 in Plato's The Republic. Learn exactly what happened in this chapte...
6. [Political Wisdom](#) - Abstract. This chapter takes up Aristotle's striking claim that practical wisdom (*phronēsis*) and pol...

7. [Nicomachean Ethics of Aristotle: Book VI. Intellectual Virtue: Chapter 8. Relations between practical wisdom and political science](#) - Nicomachean Ethics of Aristotle, William David Ross, tr., at [sacred-texts.com](#)
8. [Aristotle's Political Theory](#) - [Stanford Encyclopedia of Philosophy](#)
9. [Titles for Roman Authority](#) - In ancient Rome, authority was defined by titles: consuls wielded imperium, praetors exercised potes...
10. [Auctoritas y Potestas, en la antigua Roma - Conflegal](#) - En la Roma clásica, existían tres maneras distintas de interpretar el poder: el "imperium", la "pote...
11. [Auctoritas - Wikipedia](#) - Auctoritas referred to the level of prestige a person had in Roman society, and, as a consequence, h...
12. [Dignitas \(Roman concept\) - Wikipedia](#)
13. [What Is Dignitas In Roman Politics? - All About Rome](#) - What Is Dignitas In Roman Politics? In this informative video, we will discuss the concept of dignit...
14. [Cicero & the Ideal of Virtue | Issue 172 - Philosophy Now](#) - Abdullah Shaikh explores Cicero's ideas about the core Roman principle of virtus.
15. [LacusCurtius • Cicero — De Officiis I.152-161](#) [penelope.uchicago.edu](#) › [Thayer](#) › [Roman](#) › [Texts](#) › [Cicero](#) › [de Officiis](#) - An English translation. The complete work is onsite. Part of a large site on ancient Rome and classi...
16. [Cicero, Republic, 1 - Attalus.org](#) - English translation of Cicero, The Republic, Book 1, by C.W.Keyes
17. [Cicero: de Re Publica V - The Latin Library](#) - hanc ille rector rerum publicarum auxit opinionibus, perfecitque institutis et disciplinis, ut pudor...
18. [Overseeing res publica: The Rector as Vilicus in De Re Publica 5](#) - The article examines Cicero's innovative metaphors comparing the rector to servile figures within Ro...
19. [Overseeing res publica | Classical Antiquity - UC Press Journals](#) - This article examines a simile preserved in the fragmentary book 5 of Cicero's De Re Publica, which ...
20. [Chapitre X - Auctoritas et hiérarchie sénatoriale à la fin de la République](#) - Le contexte sénatorial constitue un observatoire privilégié pour analyser le fonctionnement de l'auc...
21. [Scipio, Aemilianus \(Africanus Numantius\)](#) - This extraordinary Roman general was born in 185 BC, and was later adopted by Publius Cornelius Scip...
22. [Rumour and renown: Pompey's auctoritas](#)
23. [Auctoritas - Wikipedia](#)
24. [Mos maiorum - Wikipedia](#) - The mos maiorum is the unwritten code from which the ancient Romans derived their social norms. It i...
25. [LacusCurtius • Cicero — De Officiis I.92-151](#) - An English translation. The complete work is onsite. Part of a large site on ancient Rome and classi...
26. [Cambridge University Press](#)
27. [The wise man as king in Stoic philosophy - Facebook](#) - For Zeno, the ruling faculty (hegemonikon) of the mind is the king. Its task is to govern over impre...

28. [El heroe estoico - Philo of Alexandria - The Telos](#) - "The wise man alone is king, and the wise man alone is free; all others are slaves and subjects, eve..."
29. [Pericles's Funeral Oration - Wikipedia](#)
30. [Thucydides: Perikles' Funeral Oration](#)
31. [Chapitre XVI - Individuelle und kollektive auctoritas in der römischen Republik und frühen Kaiserzeit - Römische auctoritas wird hier vor allem als eine Zuschreibung durch diejenigen betrachtet, die berei...](#)
32. [princeps senatus](#)
33. [Cicero: de Re Publica I](#)
34. [De Re Publica - Marcus Tullius Cicero | PDF](#) - Scribd is the world's largest social reading and publishing site.